

Д. С. ЛИХАЧЕВ

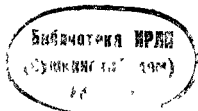
Общественно-политические идеи „Слова о полку Игореве“¹

„Слово о полку Игореве“ — не политический трактат с изложением точной политической программы. „Слово“ — произведение поэтическое прежде всего: все равно предназначалось ли оно для чтения или для произнесения вслух — в виде песни или в виде речи. Оно насыщено чувствами не в меньшей мере, чем мыслями. Оно поэтически непоследовательно. Оно полно поэтическими недомолвками. Оно не столько обсуждает события Игорева похода, сколько поэтически на них откликается. Оно до предела искренно; захватывает читателя непосредственностью своих чувств. И, вместе с тем, несмотря на свои малые размеры, оно совершенно точно выражает целую систему политических взглядов. Политические воззрения автора ясны для нас не в меньшей степени, чем если бы они были высказаны в политическом трактате того же размера.

Секрет этой исключительной политической содержательности „Слова“ состоит не только в том, что автор был человеком, жившим напряженной политической мыслью, для которого его политическое мировоззрение подчиняло себе все стороны его душевной жизни, но и в том еще, что он оказался выразителем дум, чаяний, настроений, политического мировоззрения громадной, подавляющей части населения Руси. Отклик, который встречала, должна была встретить его речь в широких слоях народа, удесятерила ее силу. Голос автора „Слова“ обрел крепость, уверенность, простоту и ясность в общественно-сочувствующей ему среде. Он говорил то, что назрело, что, казалось бы, готово было сорваться с уст у многих и многих людей в разных концах его необъятной родины. В своих взглядах он не был одиноким. Вот почему автор „Слова“ мог говорить поэтическими намеками, мог прибегать к недомолвкам и вместе с тем оставаться совершенно понятным для читателей-современников. Он излагал не только свои,

¹ Доклад на сессии Отделения литературы и языка АН СССР и Института русской литературы АН СССР 8 декабря 1950 г.

2 Древне-русская литература, т. VIII

личные, политические взгляды, а такие, которые частично уже встречали признание.

Что же это была за среда и выразителем чьих идей явился автор „Слова о полку Игореве“? Попытка ответить на этот вопрос составляет основную задачу моего доклада.

Для этого обратимся, прежде всего, к общему раскладу социальных сил во второй половине XII в.

Распад Киевского государства на множество самостоятельных феодальных „полугосударств“ — княжеств был закономерно связан с развитием изолированных и замкнутых хозяйств — княжеских, боярских или церковных. Каждое из этих хозяйств было вполне самостоятельным комплексом угодий, группировавшихся вокруг двора феодала. Экономические связи между отдельными хозяйствами были слишком слабы. Каждый мирок стремился обособиться, отгородиться от остальных. Экономическая и политическая независимость становятся идеалом, к которому стремятся отдельные землевладельцы, князья, городские общины. Все иметь у себя; поменьше покупать, возможно реже обращаться к „чужим“, возможно реже развязывать кошелек — к этому стремятся князья, бояре-землевладельцы в целом. Именно они — землевладельцы — выступают главными проводниками идей экономической и политической замкнутости отдельных княжеств.

Вместе с тем, обособляясь от целого, каждая часть этого целого стремится заменить его. Всюду, где происходит процесс выделения малых общественных мирков, — всюду же эти отдельные мирки стремятся приобрести главенствующее положение среди других. Каждый из князей, замыкаясь в своем княжестве, стремится к захвату Киева, как центра Русской земли, или стремится собственное княжество сделать центром Руси. Стремление к замкнутости сочетается со стремлением вытеснить соседа, подчинить его себе, занять главенствующее положение. И эта феодальная борьба идет с чрезвычайным напряжением сил.

Единство Русской земли признается всеми князьями и, вместе с тем, все князья только и делают, что вступают в междоусобные войны с соседями, закрывая себе дорогу к возможным соглашениям, „неся рózно“ Русскую землю. Правда, некоторым князьям удастся подняться до осознания общерусских интересов. К такого рода князьям принадлежал, например, Владимир Мономах, и характерно, что его общерусская политика отнюдь не случайно сочетается со стремлением несколько смягчить жестокие формы эксплуатации трудящегося большинства. Зато никогда не становятся на защиту единства Руси местные бояре — наиболее типичные представители господствующего класса — феодалов-землевладельцев. В борьбе боярства с князьями народ брал сторону последних, как бы ни было враждебно народу их стремление утвердить феодальную эксплуатацию.

Феодалам-землевладельцам с их феодальной идеологией, с их стремлением отгородиться от соседей и вместе с тем вытеснить их, противостоят в древней Руси — земледельцы, трудящиеся массы с их прямо противоположными стремлениями к единству Руси. Крестьяне, а в городе связанные с крестьянами ремесленники, составляют главный противовес стремлению к дроблению. Именно в земледельцах, в крестьянах — в основном классе эпохи феодализма, противостоящем классу феодалов-землевладельцев, ярко сказываются стремления к единству Руси, к единству народному, государственному, культурному, к единству военному, к крепкой обороне Русской земли, как единого целого. Феодальная раздробленность была основным народным бедствием, бедствием для трудящихся масс в первую очередь. Замкнутость хозяйств вела к усилению эксплуатации. Междоусобные войны разоряли прежде всего крестьян. Нет нужды особо доказывать то обстоятельство, что феодальные войны разоряли прежде всего крестьянство, трудовой народ в целом. Приведем только два примера. В 1150 г. князь Владимирко Галицкий, возвращаясь в Галич из неудачного похода, ограбил все города, начиная с Мическа. Требования Владимирки к жителям городов были настолько велики, что мичяне, не имея чем заплатить Владимирке, брали „серебро из ушью и с шии, сливаюче же сребро даяхуть Володимеру“ (Ипатьевская летопись). В 1169 г. дружина, отправленная новгородскими боярами за Волоч, после поражения, нанесенного ей войсками Андрея Боголюбского, все же возвратилась и взяла дань со своих крестьян, „а на суждальских смърдех другую“ (Новгородская первая летопись).

Отрицательное отношение народа к феодальным раздорам князей точно определил Н. Г. Чернышевский: „... сознание национального единства всегда имело решительный перевес над провинциальными стремлениями, если только были со времени Ярослава какие-нибудь провинциальные стремления... распадение Руси на уделы было чисто следствием дележа между князьями... но не следствием стремлений самого русского народа. Удельная разрозненность не оставила никаких следов в понятиях народа, потому что никогда не имела корней в его сердце: народ только подчинялся семейным распоряжениям князей. Как только присоединяется тот или другой удел к Москве, дело кончено: тверитянин, рязанец — такой же истый подданный московского царства, как и самый коренной москвич...“¹

Стремление трудового народа к единству сказывалось и в культурной и в политической жизни. Дроблению русской культуры по областям, образованию местных стилистических особенностей в архитектуре, в живописи, в ремесле, в литературе противостоят народные стремления к сохранению и развитию общерусских начал.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 3, М., 1947, стр. 570 (рецензия на книгу: „Областные учреждения России в XVII в.“ соч. Б. Чичерина, М., 1856).

Творчество народных мастеров в Рязани и во Владимире, в Галиче и в Новгороде было в основе своей общим, тем же самым. Устное народное творчество, народные исторические и лирические песни были повсюду теми же.

Несмотря на различия во вкусах „заказчиков“-феодалов, влияние деревянной резьбы на скульптурные украшения храмов во Владимире Залесском и в Галиче, проникновение в живопись народных вкусов к яркости и к элементам реалистичности, проникновение в литературу устных форм русской речи вело к росту в русской культуре элементов единства. Тенденции к дроблению русской культуры XII в. шли сверху, тенденции к ее единству шли снизу.

В конечном счете тенденции единства возобладали над тенденциями дробления. Кем бы ни были заказчики, подлинными творцами культуры были непосредственные исполнители заказов знати: русские ремесленники, каменщики, строители и т. д., т. е., в конечном счете, трудовое русское население. Именно от них, от исполнителей, шли технические изобретения, всякого рода новшества, все прогрессивное, самобытное и подлинно народное. Вкусы же заказчиков определялись главным образом традициями и трафаретом, стремлением затмить пышностью соседей или подражать византийскому двору.

Таким же стремлением к единству Руси и к твердой ее обороне от врагов отмечена и политическая активность трудового народа. Когда разбитый Святополком и польским королем Болеславом Ярослав Мудрый бежал в Новгород и собирался дальше уплыть за море, народ рассек ладьи Ярослава и обратился к нему со словами: „Хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополкомь“.¹ Народ собрал Ярославу деньги и дружину, и враги Руси были побеждены.

Когда в 1068 г. Изяслав, Всеволод и Святослав Ярославичи были разбиты половцами и бежали, народ киевский созвал вече на торговле и обратился к князьям: „Се половци росулися по земли; дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними“.²

Отказ киевского князя Изяслава выдать народу оружие для борьбы с половцами вызвал восстание.

Когда в конце XI в. нарушение решений Любечского съезда вызвало особенно резкую вспышку княжеских междоусобий, народ киевский через представителей обратился к Владимиру Мономаху с особенно знаменательными словами: „Молимся, княже, тебе и братома твоима, не мѳзете погубити Русьские земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмутъ землю нашу, иже беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом великим и храбрьством, побарающе по Русьской земли, ины земли приискываху, а вы хотите погубити землю Русьскую“.³

¹ Повесть временных лет, под 1017 г.

² Там же, под 1068 г.

³ Там же, под 1097 г.

Если бы летописцы уделяли больше внимания народным массам, они бы наполнили страницы своих летописей многими схожими призывами народа к князьям прекратить усобицы и твердо оберегать Русскую землю.

Из сделанного нами обзора идейных устремлений двух основных классов эпохи феодализма — класса землевладельцев-феодалов и класса земледельцев-крестьян — совершенно ясно, что призывы „Слова о полку Игоре“ к единению и к обороне Руси ближе всего отвечали потребностям класса земледельцев-крестьян — эксплуатируемых народных трудовых масс.

Отсюда совершенно ясно, что объективно идеи единения, с такою силой выраженные в „Слове“, больше всего отвечали интересам трудового народа, а не интересам феодалов. Но и субъективно, если не умом, то, во всяком случае, сердцем, автор „Слова“ был также на стороне трудового народа.

Действительно, автор „Слова о полку Игоре“ явно симпатизирует „ратаям“, простым людям.

Рисуя княжеские усобицы, автор „Слова о полку Игоре“ видит обобщение князей-кромольников ольговичей в их родоначальнике Олеге Гориславиче. О ком же прежде всего вспоминает автор „Слова“, когда говорит о последствиях его усобиц? — о крестьянах, „ратаях“: „Тогда (во времена усобиц Олега) по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотятъ полетѣти на уедие“. О тех же „ратаях“-крестьянах и их мирном земледельческом труде вспоминает автор и тогда, когда дает обобщающий образ полоцких князей в лице их родоначальника Всеслава Полоцкого: „На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чеци харалужными, на тоцѣ животъ кладуть, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускихъ сыновѣ“. Картина разорения для автора „Слова“ — это прежде всего картина разорения крестьянского хозяйства.

О трудовом народе вспоминает автор „Слова“ и тогда, когда говорит о последствиях поражения Игоря: „а поганин сами, побѣдами нарищуше на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора“. Дворы здесь, конечно, имеются в виду крестьянские, ибо и обложение данью „по бѣле“ (мелкой денежной единице) соответствует обложению данью „от плуга“, „от дыма“ или „от рала“ именно крестьянского хозяйства.

О трудовом народе говорит автор и тогда, когда упоминает „вѣци человекомъ“, сокращавшиеся от княжеских кромол, и тогда, когда он говорит о „людех“ — тех ли, которым мыкали смагу Карна и Желя, или тех, которых судил Всеслав. В последнем случае „люди“ очень выразительно противопоставлены „князьям“ („Всеславѣ князь людемъ судяше,

княземъ грады рядяше“). Одно из значений слова „люди“ в древней Руси было — народ (populus) и именно в этом значении оно употреблено в „Слове“ (другие значения: низший слой населения, слуги, челядь; „людин“ — простолудин и т. д.).

О простом народе вспоминает автор „Слова“ и тогда, когда говорит о поражении у Римова: „Се у Рима кричать подь саблями половецкими“. Из летописи мы знаем, что во время осады Римова свалились три городни с горожанами, вышедшими на стены для защиты родного города. Эти горожане были посечены половцами. Князья во время осады Римова не пострадали.

Возвращению Игоря радуются „страны“, т. е. сельские местности, жители сельских мест, и „гради“, т. е. города со всем их населением, „горожане“.

Наконец, простых ратников, а не предводителей-князей имеет ввиду автор „Слова“, когда говорит о „русичах“, „русских сынах“, „воях“, „соколах“, о том „храбром полке“ Игоря, которого уже „не крѣсити“.

Не случайны и образы мирного труда, пронизывающие все „Слово“. Созидательный труд неоднократно противопоставляется в „Слове“ — войне. „Слово“ призывает к борьбе с половцами во имя защиты мирного труда народа. Здесь не только образы земледельческого труда (часть из них мы уже привели), но и образы труда ремесленного: „тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу кова ше и стрѣлы по земле сѣя ше“; „и начяша князи . . . сами на себѣ крамолу ковати“; „а князи сами на себе крамолу коваху“; „ваю храбрая сердца въ жестоцем харалузѣ скована, а въ буети закалена“.

Совершенно ясно, что „призыв к единению“ Руси, который пронизывает собой все „Слово“, отвечал в первую очередь интересам трудового народа. Именно поэтому автор „Слова“, говоря о печальных последствиях княжеских раздоров, в первую очередь вспоминает о разорении крестьянства.

Воюя между собой, князья стремились подорвать экономическое благосостояние друг друга и разоряли сельское хозяйство. Пользуясь княжескими усобицами, половцы нападали на Русь и также разоряли крестьянские хозяйства, тысячами увозя в рабство крестьянский полон, который затем продавали в портовых городах северного Причерноморья.

Вот почему трудовой народ был не только заинтересован в прекращении княжеских раздоров, но и в том еще, чтобы единство Руси было реально скреплено сильной княжеской властью, способной удержать напор нашествий извне и центробежные силы феодалов внутри.

Автор „Слова о полку Игореве“ призывает к единству и видит это единство в формах сильной центральной княжеской власти. Вместе

с тем, автор „Слова о полку Игореве“ был человеком своего, двенадцатого, века. Идея единой державы княжеской власти, которая впоследствии, в XV и XVI вв., будет основной движущей идеей складывающегося Русского централизованного государства, ему еще чужда. Автор „Слова“ не отрицает феодальных отношений, как они будут отрицаться в XV и XVI вв. Наоборот, он настаивает на безусловном выполнении феодальных обязательств по отношению к слабейшему, золотому киевскому столу и видит в этом одно из противоядий против феодальных усобиц. Однако автор „Слова“ нигде ни одним словом не обмолвился о необходимости соблюдать другие феодальные обязательства — сюзерена по отношению к вассалу, — и это знаменательно: только подчиняющие линии феодальных отношений могли способствовать сплочиванию русских княжеств. На протяжении всего „Слова“ говорится только о необходимости младшим князьям подчиняться старшим (Святославу киевскому), но не говорится об обязанностях старшего по отношению к младшему. Отсюда ясно, что автор „Слова“ заинтересован в усилении власти старшего князя — киевского.

В связи с идеей сильной княжеской власти, пронизывающей „Слово“, весьма важно проследить отношение автора „Слова“ к русским князьям.

Отношение автора „Слова о полку Игореве“ к русским князьям двойственное. Он видит в них представителей Руси, он им сочувствует, гордясь их успехами и скорбя о их неудачах. Однако вместе с тем, автор „Слова“ с осуждением говорит о их эгоистической узкой местной политике и о их раздорах. Это двойственное, сложное отношение автора резко проявляется и к Игорю Святославичу Новгород-северскому, и к родоначальнику ольговичей Олегу Святославичу, и к родоначальнику полоцких всеславичей Всеславу Полоцкому. Однако когда автор „Слова“ обращается к тем из русских князей, от которых он ждет помощи, реальных действий к скреплению Русской земли, к ее обороне, — его отношение к ним резко меняется. Тогда он рисует князей только положительными чертами. Портреты этих князей отражают в большей мере надежды автора „Слова“, чем его реальные представления о них. Он гиперболизирует военные подвиги русских князей, их могущество, их славу. В этой гиперболизации автор „Слова“ выражает свои мечты о сильной власти на Руси, о военном могуществе русских князей. Всеволод Суздальский может Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вылить, и автор „Слова“ скорбит о том, что его нет на юге. Ярослав Осмомысл подпер горы венгерские своими железными полками, загородил дорогу венгерскому королю, отворял Киеву ворота, стрелял в салтанов за землями. Автор „Слова“ наделяет слабого киевского князя Святослава Всеволодовича идеальными свойствами главы русских князей: он „грозный“ и „великий“. На самом деле Святослав „грозным“ не был: он владел только Киевом, деля свою власть с Рюриком, обладавшим остальными киевскими городами.

Святослав — был одним из слабейших князей, когда либо княживших в Киеве. Знаменательно, что слово „великий“, часто употреблявшееся по отношению к главному из князей, как раз в это время перешло в титул князей владимирских: название „великого князя“ присвоил себе Всеволод Большое Гнездо, претендуя на старейшинство среди всех русских князей. Автор „Слова“ возвращает его Святославу Киевскому. Его реально присвоил вскоре и соправитель Святослава — Рюрик. Слово же „грозный“ и „гроза“ очень часто сопутствовало до XVII в. официальному титулованию старейших русских князей, хотя само в титул и не перешло (оно стало только прозвищем, при этом подчеркивающим положительные качества сильной власти, — Ивана III и Ивана IV). Слово „гроза“ как синоним силы и могущества княжеской власти часто употреблялось в XIII в. Поэтому прозвище Ивана IV — „Грозный“, как и прозвище Ивана III — „Грозный“, отнюдь не имело того отрицательного смысла, отнюдь не было синонимом слов „жестокый“, „опасный“. Это свое значение прозвище „Грозный“ приобрело только в XVIII—XIX вв.

Вот почему эпитеты Святослава Киевского — „великий“ и „грозный“ — это положительные эпитеты, подчеркивающие силу власти Святослава, его власть над другими князьями.

Итак, образы русских князей в „Слове“ — Святослава Киевского, Всеволода Суздальского, Ярослава Осмомысла Галицкого и некоторых других в значительной мере устремлены в будущее. Автор „Слова“ находит в князьях, к которым обращает свой призыв, те черты, которые хотел бы в них найти. Черты реального могущества этих князей соединены с такими чертами, которые относятся скорее к области желаемого. В разных князьях автор „Слова“ рисует обобщающий образ сильного князя. Он делает это в той мере, в какой это было возможно в XII в.

Я уже сказал, что идея сильной княжеской власти соответствовала интересам демократических слоев населения. Действительно, и на северо-востоке Руси во Владимиро-Суздальском княжестве, и на юго-западе Руси в Галицко-Волынской земле главной опорой княжеской власти в ее борьбе с боярством были горожане и сельское население. Сильная княжеская власть нужна была народным массам и потому, что только она способна была организовать твердую оборону Русской земли от внешних вторжений, и потому, что только она могла обуздать произвол мелких феодалов — боярства. Здесь надо принять во внимание замечательные указания Ф. Энгельса о постепенном возрастании роли королевской власти, как носительницы „порядка“, вступающей в союз с „революционными“ элементами города и деревни, со всеми прогрессивными силами.¹

Все это достаточно ясно доказано в советской исторической науке.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 445.

Очень важно отметить, что идеи сильной княжеской власти, выросшие в основном в демократической среде и именно здесь получившие реальную политическую поддержку, в этой же демократической среде отразились в создании новой политической терминологии. Замечательно, что частично эта новая политическая терминология, выросшая в демократической среде, употреблена и в „Слове“. Я имею в виду слово „господин“, в обращении к князьям.

Обращение к князю — „господин“ — впервые стало употребляться на северо-востоке — там, где складывалась новая сильная княжеская власть, начиная с середины 70-х годов XII в. (т. е. за 10 лет до написания „Слова“). Оно начинает употребляться сперва только в среде горожан и сельского населения. До того этот термин „господин“ применялся лишь в области владельческих отношений: так называли владельца холопов, хозяина закупов (в Русской Правде). В политической жизни в отношении князя термин „господин“ впервые встречается в речах жителей владими́ро-суздальских городов, обращенных к владимирскому князю. Так называют Михаила Юрьевича суздальцы и ростовцы (горожане) в 1176 и 1177 гг. (см. Никоновскую летопись); так называют Всеволода Юрьевича владимирцы (горожане) в 1177 г. (там же); так называют его же под тем же 1177 г. ростовцы (горожане) (там же) и т. д. В 1180 г., повидимому, впервые, этот термин переходит в уста князей-вассалов, в их обращения к своему главе и опять-таки во Владимиро-Суздальском княжестве. Так называли Всеволода Юрьевича Владимиро-Суздальского, своего феодального главу, рязанские князья Всеволод и Владимир Глебовичи: „Ты господин, ты отец, — говорили через послов Всеволоду рязанские князья, — брат ваю старейший Роман уймаёт волости у наю, слушая тестя своего Святослава, а к тебе крест целовал и переступил“ (Ипатьевская летопись). Повидимому, новые отношения безусловного подчинения, сложившиеся на северо-востоке между Владимиро-Суздальским князем и подручными ему рязанскими князьями, потребовали для своего определения и нового термина, в котором уже было отмечено всякое „родственное смягчение“ политических понятий, столь характерное для старой феодальной терминологии — „отец“, „сын“, „брат“. Поэтому-то слово „господин“ и стало употребляться вместо слова „отец“ или рядом с ним.

Этот новый политический термин — „господин“ (вм. „отец“), отразивший на северо-востоке рост власти феодального главы над стоящими ниже его по лестнице феодального подчинения князьями, начинает употребляться не только одними рязанскими князьями по отношению к Всеволоду Юрьевичу, но и в другом центре борьбы за сильную княжескую власть — в Галичине. Всего десять лет спустя, в 1190 г., сын Ярослава Осмомысла — Владимир Галицкий в своей просьбе ко Всеволоду Суздальскому прибег к аналогичному обращению: „Отце господине! Удержи Галич подо мной, а яз божий и твой есмь со всем

Галичем, а в твоей воле есмь всегда“ (Ипатьевская летопись). Энергия этого нового политического термина поддержана в этой просьбе необычную степенью покорности, на которую соглашается Владимир: „яз божий и твой“.

Употребление слова „господин“ по отношению к князю имеет совершенно точную хронологию. Оно употребляется с 70-х годов XII в. и в течение XIII в. (оно обычно для „Моления“ Даниила Заточника). Впоследствии, в XIV—XV вв., оно вытесняется словом „государь“. Князю станут говорить „государь“, а не „господин“.

Итак, перед нами новая политическая терминология, выросшая первоначально в демократической среде. Нет сомнения в том, что прогрессивным было именно это новое представление о власти феодальной главы как „господина“, возникшее на северо-восточной социально-экономической почве, а не старое. Именно этим новым представлениям предстояло перерасти в дальнейшем в идею сильной и единой власти государя „всея Руси“, подлинной носительницей которой стала впоследствии Москва. Этой идее сильной княжеской власти предстояло в дальнейшем скрепить идею единства Русской земли новыми политическими отношениями.

Сам автор „Слова о полку Игореве“ отчетливо придерживается новой точки зрения на власть феодальной главы, — той точки зрения, которая была прежде всего характерна для поддерживавших сильную княжескую власть горожан. Он называет „господами“, этим новым политическим термином, начавшим входить в политический язык XII в., — Рюрика и Давида Ростиславичей и Ярослава Осмомысла Галицкого: „Вступита, господина, въ злата стремянь за обиду сего времени...“. „Стрѣлай, господине, Кончака, поганого кощя...“. В этом употреблении термина „господин“ (в отношении князя) можно видеть след народного политического мышления.

След народного политического мировоззрения можно заметить и в особом отношении автора к Киеву и к князю Владимиру I Святославичу — Владимиру „Красному Солнышку“. Автор „Слова“ видит центр единой Руси только в Киеве. К 80-м годам XII в. на северо-востоке Руси определилась уже другая политическая точка зрения, пытавшаяся поставить в центр Русской земли Владимир на Клязьме. Не претендуют на Киев и князья галицко-волинские. Киев постепенно утрачивает свое значение как центра Русской земли, начинает играть все меньшую и меньшую роль. Однако автор „Слова“ попрежнему считает Киев — центром Руси, а Святослава киевского, одного из самых слабых русских князей XII в., — главою Руси и русских князей. В этом некоторые историки склонны усматривать консерватизм автора „Слова“.

Однако это происходило потому, что несмотря на утрату своего бывшего политического и экономического значения Киев был историч-

ческим центром Руси, с которым были связаны народные чаяния о восстановлении ее прежнего единства, — единства, когда-то, в конце X — начале XI в. блестяще представленного расцветом Киевского государства при Владимире I Святославиче. „Не случайно русский народ навсегда запомнил и с особой яркостью в эпосе отметил именно этот героический период своей истории“¹ и именно этот город — Киев.

Былины также считают Киев центром Руси и никакого консерватизма в этом нет. В воззрениях автора „Слова о полку Игореве“ отразились именно народные воззрения на Киевский период русской истории; в этом убеждает и его особое отношение к „Владимиру старому“ — Владимиру I Святославичу — Владимиру „Красному Солнышку“ русского былевого эпоса. Заканчивая свой обзор современного ему состояния Руси, отдельных русских княжеств, автор „Слова“ восклицает: „О, стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвую годину и прѣвых князей! Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нѣ розно ся имѣ хоботы пашуть“. Эти заключительные строки обзора современной автору „Слова“ раздробленной между отдельными княжествами Руси знаменательны. Они показывают, что и автор „Слова“ обращался к прошлому единству Руси при Владимире Святославиче, как к нему обращался народ в своих былинах.

В свое время А. В. Соловьев привел серьезные аргументы в пользу того, что под „Владимиром старым“ следует разумеать именно Владимира I Святославича, а не Владимира Всеволодовича Мономаха.² К этим аргументам А. В. Соловьева кое-что было присоединено и мною.³ Сейчас приведу только два соображения:

1) Противопоставлять современную автору раздробленность Руси ее единству при Владимире можно было только разумеая под Владимиром „старым“ — Владимира I Святославича. Только тогда Киевское государство было едино. Междоусобные войны Владимира Мономаха с Олегом „Гориславичем“ были слишком хорошо известны автору „Слова“. Время Мономаха было и временем его противника Олега Гориславича, и именно об этом времени автор „Слова“ писал: „Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие“. Владимир Мономах был для автора „Слова“ одним из участников „княжих крамол“ на рубеже XI и XII вв. (их, ведь, в основном, было только двое — Олег „Гориславич“ и Владимир Мономах).

¹ Акад. Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 317.

² А. В. Соловьев. Политический кругозор автора „Слова о полку Игореве“. Истор. зап., № 25, М. — Л., 1948, стр. 73.

³ Д. Лихачев. Исторический и политический кругозор автора „Слова о полку Игореве“. Сб. „Слово о полку Игореве“ под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950, стр. 10.

2) Автор „Слова“ говорит о „старом Владимире“, что его „нелзѣ бѣ пригвоздити къ горам киевскимъ“, он подчеркивает участие Владимира в походах на врагов Руси. Таким именно выступает Владимир и в народном сознании XII—XIII вв., как об этом ясно свидетельствует не только былевой эпос, но и летопись. Говоря о славе похода Даниила Галицкого в Польшу, летописец замечает: „иный бо князь не входил бе в землю Лядську толь глубоко, проче Володимера великаго, иже бе землю крестил“.¹ То же самое говорит летописец и о походе Даниила в Чешскую землю: „не бе бо в земле Русцей первее, иже бе воевал землю Чешську, ни Святослав хоробры, ни Володимер святой“.² „Святослав хоробры“ и „Володимер святой“ — это и есть те „первые князья“, которых и автор „Слова“ противопоставлял „нынешним“.

Итак, в своем отношении к единой Киевской державе Владимира I Святославича автор „Слова“ выразил ту народную точку зрения, которая была характерна и для русского былевого эпоса.

В исследовательской литературе давно уже утвердилось правильное мнение, что автор „Слова“ был передовым человеком своего времени, выражал передовые идеи. Это правильно, но слишком обще. Передовых идей „вообще“, безотносительно ко времени и пространству, не бывает. Передовые идеи — это идеи передового класса. В период феодализма два основных класса противостоят друг другу — класс землевладельцев и класс земледельцев — крестьян, вместе с которыми шло и трудовое население города. „При феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства, — крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить“.³ „Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя“.⁴ Эксплуатируемое крестьянство и было передовым классом в XII в. Крестьянство в эпоху феодализма было носителем исторического процесса. Незаметный, но великий труд народа, трудовых масс, создавал экономику общества, двигал производство, постепенно через изменявшиеся производственные отношения вынуждал к переменам и само государство. Изменения в производственных отношениях, как и изменения в надстройке, происходили в конечном счете под влиянием трудящихся масс, создававших материальные блага и борющихся за свои человеческие права с эксплуататорами — феодалами-землевладельцами.

Защита основных интересов крестьянства и, вместе с ним, защита интересов всего трудового народа Руси — в этом, не во всем до конца

¹ Ипатьевская летопись, под 1229 г.

² Там же, под 1254 г.

³ История ВКП(б). Краткий курс, М., 1946, стр. 120.

⁴ Там же.

осознанный самим автором, общественно-политический смысл „Слова“. Автор „Слова“ был выразителем тех взглядов, которые определялись эксплуатируемым большинством — трудовым народом Руси.

Отсюда, конечно, не следует, что идеология автора „Слова“ и идеология трудового населения Руси целиком совпадают. Речь идет только об основных политических идеях, выраженных в „Слове о полку Игореве“.

Вместе с тем, следует со всею определенностью заявить, что сами трудящиеся массы в эпоху феодализма могли до конца не осознавать своих интересов. И в этом отношении отнюдь не случайно, что сам автор „Слова“ был, конечно, не крестьянин и не ремесленник. Это человек не только грамотный, но и хорошо образованный. Его осведомленность в политических и, я бы сказал, династических делах современной ему Руси обличает в нем человека, близко стоящего к правящей среде. Он мог быть дружинником одного из князей или дружинным певцом. Однако нельзя ставить знака равенства между его социальным положением и его социальными симпатиями, как это очень часто делается. Нельзя видеть в нем сторонника какого-либо определенного князя или группы князей: черниговских ольговичей, галицких мономаховичей, смоленских ростиславичей или даже полоцких всеславичей (есть и такая точка зрения). В своих политических воззрениях автор „Слова“ не был ни „придворным“, ни дружинником, ни защитником местных интересов (черниговских, киевских или новгород-северских), ни идеологом князей, бояр-землевладельцев или духовенства. Автор „Слова“ занимал свою независимую от правящей верхушки феодального общества патриотическую позицию. В числе князей, к которым он обращается, он называет и ольговичей и мономаховичей. Ему были чужды местные и родовые интересы феодальных верхов и были близки интересы широких слоев трудового населения Руси — единые повсюду и повсюду стремившиеся к единству Руси.

„Великие исторические преобразователи, — писал Н. А. Добролюбов, — имеют большое влияние на развитие и ход исторических событий в свое время и в своем народе; но не нужно забывать, что прежде, чем начнется их влияние, сами они находятся под влиянием понятий и нравов того времени и того общества, на которое потом начинают они действовать силою своего гения... История занимается людьми, даже и великими, только потому, что они имели важное значение для народа или для человечества. Следовательно, главная задача истории великого человека состоит в том, чтобы показать, как умел он воспользоваться теми средствами, какие представлялись ему в его время; как выразились в нем те элементы живого развития, какие мог он найти в своем народе“.¹

¹ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. III, М., 1936, стр. 120.

Автор „Слова“ с гениальной проникновенностью выразил „те элементы живого развития, какие мог он найти в своем народе“. В этом одна из основ его народности.

„Слово“ — горячий призыв к единству Руси перед лицом внешней опасности, призыв к защите мирного созидательного труда русского населения — крестьян, земледельцев и тех слоев города, которые были связаны с крестьянством. Автор „Слова“, следовательно, выразитель чаяний и настроений трудового народа Руси. Он неразрывно соединил свои думы и надежды с думами и надеждами русского народа.

Вот почему „Слово о полку Игореве“ так близко к творчеству трудового народа — к устной народной поэзии — не только по форме, но и по содержанию. Вот почему автор „Слова“ сумел простыми и народными средствами выразить свои простые, народные и великие идеи.

Народность „Слова“ и его прогрессивность, в сущности, взаимосвязаны. „Слово“ устремлено к будущему: оно верно подметило основное зло своего времени и призвало к единению, исходя из тех прогрессивных элементов, которые были заключены в самой действительности и которые стали ясны автору „Слова“ благодаря его идейной связи с народом. В этой народности и в этой прогрессивности „Слова“ — основание его бессмертия.
